

Алексѣй Мошкѣ.

НОВОЕ О ВЕЛИКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ.

(МЕЛКІЕ ШТРИХИ ДЛЯ БОЛЬШИХЪ ПОРТРЕТОВЪ).

Разсказы очевидцевъ

о томъ, какое производили на нихъ впечатлѣніе

И. А. Крыловъ, А. С. Пушкинъ, Н. В. Гоголь,
М. Ю. Лермонтовъ, И. С. Тургеневъ, Н. А. Некрасовъ,
Ф. М. Достоевскій, М. Е. Щедринъ-Салтыковъ, гр.
Л. Н. Толстой, Гюи де Мопсанъ и А. П. Чеховъ.

Изд. 2-е, дополненное.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Я. Мильштейна, Нижегородская 14.

1903 г.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ЧЕХОВѢ.

Изъ воспоминаній о Чеховѣ.

Мнѣ вспоминается небольшой уютный кабинетъ А. П. Чехова въ его ялтинской дачѣ. За письменнымъ столомъ и за изящнымъ рабочимъ кресломъ — въ альковѣ оттоманка, а надъ нею — картина Левитана. И на противоположной стѣнѣ, на каминѣ — фреска Левитана «Стога сѣна». Подъ широкимъ окномъ — диванъ, а къ нему повернуто приставленное бокомъ къ письменному столу большое удобное мягкое кресло. Панно изъ покрытыхъ автографами фотографій знакомыхъ Чехова — на столѣ у входа въ кабинетъ.

Сюда 25 августа 1901 года изъ соседней комнаты провелъ меня Антонъ Павловичъ Чеховъ, заслоня на минуту

дверь своей большой, высокой фигурой; крѣпко, энергично пожимая мою руку, усадилъ радушно на кресло, а самъ сѣлъ на диванъ подъ окномъ и откинулся на спинку дивана, заложивъ ногу на ногу. Этой спокойной, удобной позы онъ не перемѣнилъ, пока мы бесѣдовали.

Сквозь пенснэ онъ смотрѣлъ на меня открытымъ, прямымъ, умнымъ и внимательнымъ взглядомъ.

Какъ-то своеобразно пріятнымъ, симпатичнымъ, казался его грубоватый, жесткій, «толстый» голосъ, и звучало въ этомъ его голосѣ какъ будто что-то надтреснутое, болезненное.

Онъ говорилъ простымъ, почти народнымъ языкомъ и въ каждомъ его словѣ чувствовалась правда, искренность и доброжелательство.

— Мнѣ кажется, не совсѣмъ удачно вы назвали свою книжку: «Штрихи и настроенія». Штрихи — не русское слово...

— Что за дивная эта маленькая фреска у васъ надъ каминомъ, Антонъ Павловичъ, — эти стога сѣна, тамъ въ нашей,

московской полосѣ... Это Исаака Ильича, должно быть?..

— Да, это — Левитана... А какимъ онъ вамъ казался самъ?.. Плохъ былъ здоровьемъ... Умеръ...

— Очень былъ слабъ... А какое было сердце!.. Непремѣнно хотѣлъ меня порадовать, новыя работы въ своей мастерской показать... Тамъ въ Москвѣ, въ Трехсвятительскомъ переулкѣ... Лѣстница въ мастерскую только на высоту комнаты, а и трудно-же было ему подниматься... Подниметь ногу на ступеньку, другую ногу на ту-же ступеньку поставить и на нѣсколько секундъ остановится, передохнетъ, потомъ также на вторую ступеньку... И такъ, — пока въ мастерскую поднялся... А тамъ сразу сѣлъ и нѣсколько минутъ отдыхалъ... Потомъ сталъ показывать картины, и только лишь тѣ, что закончены, а начатыхъ работъ очень просилъ меня не смотрѣть... Въ другой день приготовилъ къ моему приходу множество своихъ этюдовъ и за мои небольшія деньги разрѣшилъ мнѣ выбрать

любой этюдъ изъ всѣхъ. Я выбралъ очень маленькій по размѣру, но такой, который какъ разъ и самому Левитану нравился, какъ онъ мнѣ потомъ сказалъ, подписавши этюдъ, и онъ этому былъ радъ... Потомъ написалъ мнѣ, звалъ радушно опять... Что за милый онъ былъ человѣкъ, этотъ геніальный пейзажистъ... А васъ онъ какъ любилъ, Антонъ Павловичъ!...

— Да, вѣдь, Алексѣй Николаевичъ, и я его очень любилъ...

Мы заговорили о Мачтетѣ, который умеръ въ Ялтѣ нѣсколько дней назадъ.

— Зря померъ человѣкъ... — сказалъ Чеховъ и спросилъ меня: вы давно познакомились съ Григоріемъ Александровичемъ?

— Я привезъ ему въ 1891 году изъ Сибири, — изъ Ишима и Тюкалинска письма его товарищей по ссылке... Тогда Мачтетъ жилъ въ Москвѣ, на Плющихѣ... У него собирались писатели... Бывалъ у Мачтета и Л. Н. Толстой, съ которымъ тогда еще мнѣ не выпадало счастливаго

случая встрѣтиться... Встрѣчалъ я В. Е. Ермилова и другихъ... Потомъ, живучи въ разныхъ городахъ, мы съ Мачтетомъ переписывались, потомъ былъ въ гостяхъ онъ у меня въ Петербургѣ и я у него въ Житомирѣ...

Въ 1897 году снялся онъ со мной вмѣстѣ въ Петербургѣ, въ фотографіи Ануфриева... А за нѣсколько лѣтъ до того онъ помогъ мнѣ пристроиться на службу въ желѣзнодорожный контрольный отдѣлъ... Онъ и самъ до того служилъ тамъ нѣкоторое время... Нуждался въ опредѣленномъ заработкѣ, чтобы не слишкомъ насиловать свое литературное творчество...

— Да, я знаю... У васъ цѣлы его письма?..

— Конечно, храню... Больше двадцати его писемъ.

— Отдадите въ печать?

— Много мѣстъ въ его письмахъ ко мнѣ не могутъ пройти въ печати по цензурнымъ условіямъ *)...

*) Потомъ, въ 1905 году, письма Г. А. Мачтета ко мнѣ были напечатаны въ сборникѣ «Комета» изданномъ въ Спб. А. Мошинъ.

Заговорили о Кучукъ-Кой, куда я собирался ѣхать.

— Я люблю Кучукъ-Кой, — сказалъ Чеховъ: — тихій уголокъ... [Жаль, рѣдко приходится тамъ бывать...

Когда я началъ прощаться, Чеховъ всталъ и опять энергично, крѣпко пожалъ мнѣ руку и шелъ со мною до передней.

На террасѣ ждали Чехова сидѣвшіе тамъ въ это время Орленевъ и Дорошевичъ.

Изъ-подъ тѣни Чеховскаго дома я вышелъ на залитую яркимъ солнцемъ дорогу, что шла по улицѣ Верхней Аутки мимо кипарисовъ и небольшихъ домиковъ, спускаясь съ горы къ богатымъ улицамъ Ялты и къ морю.

Широкій, дивный видъ открывается съ того мѣста, гдѣ пріютилась дача А. П. Чехова.

Но не любилъ Чеховъ яркихъ красокъ юга и въ тѣни своего кабинета отдыхалъ усталымъ взоромъ на пейзажахъ своего друга Левитана, такъ живо и вѣрно передававшихъ настроеніе сѣренькаго сѣвернаго дня.

Вотъ три письма, которыя получилъ я затѣмъ отъ Антона Павловича Чехова.

14 февраля 1902 г. Многоуважаемый Алексѣй Николаевичъ! Я, по полученіи отъ васъ письма, наводилъ справки на счетъ какого-нибудь добраго дѣла въ память покойнаго Г. А. Мачтета и теперь могу сообщить вамъ слѣдующее. Въ Ялтѣ существуетъ благотворительное общество, помогающее больнымъ, главнымъ образомъ, чахоточнымъ (между прочимъ оно содержитъ дачу «Яузла», въ которой живутъ небогатые больные), и вотъ это общество собираетъ капиталъ имени покойнаго Г. А., чтобы помогать литераторамъ, которые больны чахоткой и нуждаются. Пожертвованія принимаетъ Сергѣй Яковлевичъ Елпатьевскій, живущій въ Ялтѣ, въ собственномъ домѣ. Состоитъ онъ въ обществѣ членомъ правленія. Къ нему и адресуйтесь. Благотворительное общество дѣлаетъ много добра. Приношу вамъ сердечную благодарность за фотографію и за рассказъ «Онѣйка жизни»,

который я прочелъ съ удовольствіемъ, и остаюсь уважающій васъ и готовый къ услугамъ.

А. Чеховъ.

Если понадобятся вамъ еще какія-либо справки, то, пожалуйста, не стѣсняйтесь и пишите, я готовъ служить.

6 марта 1902 г. Многоуважаемый Алексѣй Николаевичъ! Присланную вами фотографію подписалъ и возвращаю съ большою благодарностью. Здоровье Л. Н. Толстого поправляется, и то, что сообщается въ газетахъ вообще объ его здоровьи, не расходится съ истиной. Желаю вамъ всего хорошаго и еще разъ благодарю. Искренно васъ уважающій

А. Чеховъ.

9 марта 1903 г. Многоуважаемый Алексѣй Николаевичъ! Съ г. Ч—ровымъ я не знакомъ, не знаю его и, въ чемъ его вина, изъ письма вашего я не уяснилъ себѣ. Благоволите сами написать ему, я же положительно не знаю, какъ и о чемъ

я долженъ говорить съ нимъ. Да онъ не сталъ бы и слушать меня. Желаю вамъ всего хорошаго. Искренно уважающій васъ

А. Чеховъ.

Вина г. Ч—рова, о которомъ упоминается въ послѣднемъ письмѣ, относилась, главнымъ образомъ, къ нему, Антону Павловичу Чехову, и то обстоятельство, что онъ не пожелалъ «уяснить себѣ» этой вины—является еще однимъ штрихомъ къ характеристикѣ А. П. Чехова, какъ хорошаго человѣка.

А самый видъ моихъ маленькихъ реликвій,—этихъ строчекъ нервнаго прерывистаго почерка художника слова,—живо мнѣ напоминаетъ и набросавшаго ихъ простого сердечнаго человѣка, и дивныя созданія его таланта, и его уютный уголокъ близъ моря, среди кипарисовъ и яркой лазури знойнаго юга.
